

Нагестга Маммаева

НЕВЕСТА
ИДЕТ В НАСЛЕДСТВО

Хищники наших дней

Надежда Мамаева

Невеста идет в наследство

«Надежда Мамаева»

2021

Мамаева Н. Н.

Невеста идет в наследство / Н. Н. Мамаева — «Надежда Мамаева», 2021 — (Хищники наших дней)

«Катафалк – это к неприятностям» – подумала я, встретив профессора Ульриха фон Грейта, который и носил это меткое прозвище. Оно, к слову, отлично характеризовало этого невыносимого, циничного и надменного типа. И по совместительству – моего жениха. Правда и сам Грейт был не в восторге того, что по условиям завещания ему достается не только внушительное наследство, но в придачу к состоянию – еще и невеста. И ладно бы та – суженая. Так нет же, ссуженная в кредит! Но ничего, нам, девушкам, закаленным ипотекой, ни схинские драконы, ни демоны барьера, ни Катафалк не страшен! Так что посмотрим, кто выйдет победителем из этого фиктивного брака на выживание. Рассказ об одном из героев романа «Как защитить диплом от хищников».

© Мамаева Н. Н., 2021

© Надежда Мамаева, 2021

Содержание

4	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Надежда Мамаева

Невеста идет в наследство

4

«Еще никогда человек не был так близок к вершинам мудрости, как при написании завещания. А при составлении резюме он и вовсе оказывался в шаге от идеала», – такие мысли возникли у меня по прочтении письма от нотариуса. Да, именно так я и подумала. Только матом.

Покойный Антуан фон Грейт наверняка чувствовал себя едва ли не гением, когда диктовал последнюю волю. Но сдаётся, совершенно незнакомый мне старик просто сошел с ума.

Я положила письмо на стол и задумчиво посмотрела в окно: на улице в золотом балетном платье танцевала осень. Я мыслями вернулась к только что прочитанному. Если верить строкам, выведенным каллиграфическим почерком, то мне причитается половина немалого состояния покойного, но при условии, что я выйду замуж за его внука, Ульриха фон Грейта.

С учетом того, что эту фамилию слышала впервые, я была, мягко говоря, озадачена. В столице сотни тысяч молодых незамужних девушек. Почему именно я? И как вообще старик Грейт узнал о существовании Элисон Байри?

Да и чем могла привлечь внимание пожилого аристократа невзрачная дурнушка? Ведь именно такой меня и видели почти все мои знакомые. Иллюзия была качественной. И на то, чтобы носить ее не снимая, имелись свои веские причины.

Как? Почему? И главное – зачем? Эти три вопроса не давали мне покоя. Может быть, ответы на них даст его внук, Ульрих?

Но этот самый Ульрих оказался хуже крылатого шайтана, который выныривает из песков, чтобы сожрать зазевавшегося мага. Стоило только помянуть потенциального «коллегу по наследству» – и он тут же дал о себе знать: артефакт связи, лежавший на столе, завибрировал, привлекая внимание.

Я активировала переговорник, и, по привычке чуть кашлянув, чтобы добавить в голос чарующей хрипотцы безнадежно больной грудной жабой старой девы, произнесла:

– Слушаю!

Секундная заминка, и сварливо брюзжащий тембр ответил:

– Добрый день! Меня зовут Ульрих фон Грейт. Могу я услышать Элисон Байри?

– Вы с ней самой и разговариваете.

От меня не укрылся вздох разочарования, и я услышала:

– Мы могли бы встретиться? Скажем, завтра в десять утра вам будет удобно?

– Вполне...

Мы договаривались о встрече в лучших традициях брокерской сделки: сухо, четко, по существу. Не удивлюсь, если завтра увижу перед собой брачный договор, в котором будет тысяча и один подпункт.

Что ж... тогда и мне стоит подготовиться. Потому как деньги мне были сейчас нужны позарез, но ради них вступать в полноценный брак с мужчиной, о котором я знаю ровным счетом ничего... Нет уж! Зато в моих силах сделать все, чтобы этот брак стал фиктивным, а вот наследство после него – самым что ни на есть настоящим.

И мое главное оружие – это первое впечатление. И чем более ужасным оно будет, тем для меня лучше. Так что держитесь, господин Грейт. Вам достанется самая страшная из невест. Это я заявляю, как декоратор-иллюзорник, от чьих декораций режиссер приходит в восторг, а зрители, пришедшие на триллер, – в ужас.

И в этот момент триумфа женского коварства мне бы выпрямить спину, гордо вскинуть подбородок, но... когда зудит под лопаткой, как-то не до эффектных поз. Поэтому я извернулась и с наслаждением почесала кожу. И ведь свитер на мне был объемный, бесформенный и столько раз постиранный, что колоться ему уже было просто нечем. Да и не любила я неудобную одежду. Не признавала ее как класс. Широкие джинсы, кроссовки – что может быть лучше? Такие вещи давали свободу движениям, скрывали фигуру, не жали, не давили...

Метка на коже снова засвербела, напомнив о себе. Вот ведь! Вообще-то, вязь символов, что сейчас украшала часть моей спины и плечо, особых проблем нашему роду не доставляла. Этот магический узор перешел ко мне от матери, а той – от отца, ему, в свою очередь, – от его бабки...

В семье ходила легенда, что несколько веков назад мой предок, чтобы усилить свой магический дар, провел древний обряд. Не знаю, помог ли ритуал увеличению магического потенциала Ронтора Байри и приросту кругов его силы, но что точно получилось, так это приобрести черно-золотую метку на теле. И когда у Ронтора родился сын, то рисунок в прямом смысле перетек с руки отца на кожу младенца, уменьшаясь в размерах и тускнея. И, закорившись на ребенке, начал свой рост вместе с ним. И так несколько поколений подряд.

Эта живая татуировка особо не мешала, а скорее наоборот: она стала своеобразным талисманом рода. Ведь после того, как вязь появилась у Ронтора Байри, все дети в нашей семье рождались магически одаренными. Причем минимум с двумя кругами силы. А у прапрабабушки их было и вовсе пять!

Стук в дверь оторвал меня от воспоминаний:

– Госпожа Элисон, спектакль скоро начнется, – получив разрешение войти, с порога напомнил помощник режиссера и поспешил дальше по коридору.

А я выдохнула, на миг прикрыв глаза и сосредотачиваясь. Мне предстояло два часа непрерывной работы. Иллюзорные декорации, магические и световые эффекты – все то, что заставит зрителей восхищаться, ужасаться, замирать от восторга и широко распахивать глаза от удивления, было моей работой. Тяжелой, порой изматывающей, но любимой.

А к вечеру после спектакля накатила ожидаемая усталость. Сегодня была премьера и пришлось задержаться в театре. Поэтому до дома я добралась, широко и безудержно зевая. Причем я настолько вымоталась за день, что если бы зашла в комнату и там на кровати каким-то чудом лежал обнаженный красавец, готовый подарить мне ночь безудержной страсти, то я бы подошла, разделась, сбросила его к демонам с постели и легла спать!

Но только перед тем, как упасть на подушки, стоило все же заплести темные волосы в косу. Иначе утром сбившийся колтун разодрать будет непросто. Была у моей шевелюры такая особенность: стоило голове немного поелозить по подушке, как та превращалась в воронье гнездо.

И я, сидя на кровати в удобной, практичной ночной рубашке края «я сберегу целомудрие хозяйки, даже если она этого и не очень хочет», заплетала эту самую косу. И вспоминала детство, которое, к слову, лет до двенадцати казалось просто замечательным. У меня были школьные подруги, с которыми мы весело проводили время, но... за одно лето я вдруг резко вытянулась, изменилась, и... Мальчики, на которых заглядывались мои приятельницы – Вероника и Мелисса, вдруг стали смотреть пристально в мою сторону. И не только они.

И чем дальше, тем больше. Подруги стали меня избегать. В четырнадцать Мелисса и вовсе заявила, что не хочет иметь со мной ничего общего. Прямо так и сказала, только бранным криком и в попытке снять скальп. Потому что, оказалось, я увела ее парня – Роба. Хотя я всего-то перекинулась с ним парой слов в общей компании...

И в тот вечер я, сидя с примочкой, которую прижимала к скуле, аккуратно к месту, где красовался лиловый, как слива, синяк, подумала, что от этой внешности одни проблемы. То пристают, как блохи к оборотню, совершенно чужие и мне в хозяйстве ненужные парни, то

подруги разборки с травмами легкой и средней степени тяжести дарят. И я приняла для себя решение – буду не красивой, а счастливой. В конце концов, маг иллюзий я или кто?

Правда, мама и бабуля, увидев первые мои потуги на поприще изменения собственной внешности, чуть не подавились. Я тогда наваяла едва ли не двуликого в полуобороте. Старалась же по принципу: чем страшнее, тем лучше. И... итогом моих потуг можно было ликвидировать парочку демонов. А что? Нервные срывы от испуга и у низвергнутых могут быть... Наверное. Но вот во врачевательских целях этот образ можно было точно использовать! При чем с успехом. Лечить запор, заикание, осветлять волосы до равномерной седины...

Но бабуля – опытный маг иллюзий – видимо, решив пожалеть окружающих, подарила мне трансформационный морок. И моя внешность день ото дня стала незаметно дурнеть. И так за полгода я для окружающих из красавицы превратилась в ту самую подружку, которую хочет иметь рядом с собой любая мало-мальски симпатичная девушка.

Вероника и Мелисса враз забыли о наших разногласиях, вновь возжелав общаться. Но тут уже не захотела я, присоединившись к группе тех, кто предпочитает учебу веселым вечеринкам. Я стала серой, невзрачной и не собирающей на свою голову кучу проблем школьницей. А потом и студенткой, которую оценивали по знаниям и умениям. И только по ним. Меня не пробовали затащить в постель из-за симпатичной мордашки, а вот в библиотеку, чтобы я написала за разгильдяя-красавчика реферат... Такое как-то случилось. Причем взамен он предлагал сходить с ним на свидание, чтобы «похвастаться перед подругами и побыть крутой». И долго не мог понять, почему я так продолжительно и звонко смеялась и не могла остановиться. А реферат сокурсник тогда писал сам. И, удивительное дело, даже особо на меня не обиделся за отказ.

Закончив с заплетанием кос, я глянула на будильник. До самого сложного периода в моей жизни – утра – осталось каких-то шесть часов. И их я хотела провести в эту ночь исключительно в стиле МЖМ: матрас, жиденькая-прежиденькая-подушка и мой-любимый-плед. И только так!

Блаженно вытянувшись на постели, я отрубилась. И по ощущениям, едва я смежила веки, тут же зазвонил будильник. Приоткрыла один глаз. Стрелки и циферблат явно ввали. Не могло же так быстро наступить семь! Только-только же был всего час! Какие-то все же неправильные эти зимние ночи. Вопиюще короткие... Или это я так быстро сплю?

Предельно осторожно встала с постели, по опыту зная, что одно неловкое движение – и я снова окажусь в плену подушки и простынок. Еще и организм-предатель уверял: еще пять минуточек – и он точно-точно выспится...

Но я не поддавалась искусу. И, заправив организм концентрированным эликсиром жизни, превращающим полузомби в адекватного человека, в просторечии именуемым кофе, пошла в ванную комнату. И там, стоя напротив зеркала, с усмешкой просила свое отражение:

– Ну что, красота, мир спасать будем? Или жениха напугаем?

И щелкнула пальцами, не только возвращая себе образ дурнушки, но и придавая привычной иллюзии еще более противные черты. В общем, сотворила лучший из оберегов для девичьей чести.

Скрутила волосы в гульку, закрепив пучок шпильками. Достала из футляра очки в роговой оправе... Отлично! Тихая серая мышь. Дополнила образ мешковатым длинным платьем невзрачного цвета.

Идеальный вид для фиктивной невесты. На такой охотно женятся, посчитав глупой простушкой, которая не доставит проблем в браке, и еще более охотно разводятся. А именно это мне и требовалось. Провести всего год в законном браке с Грейтом и получить свою часть наследства.

На встречу я пришла за пять минут до назначенного часа. Чуть протиснулась в уличных пробках и уже успела подумать, что опоздаю. Но нет, мой старенький чабиль, хоть и чихал, пыхтел и грозил заглохнуть, каким-то чудом доставил меня вовремя.

Грейт уже сидел за столиком, ждал и излучал вокруг себя почти осязаемое раздражение и недовольство. Причем такое концентрированное, что оно стирало улыбки с лиц у всех, кто был к аристократу ближе, чем четыре ярда.

Ну и неприятный же тип!

Я подошла к Грейту и, поздоровавшись, присела напротив. Минута молчания, во время которой мы изучали друг друга. Я внимательно посмотрела на Грейта, сидевшего передо мной. Нас разделяли стол, разница в возрасте и социальном положении, а объединяло взаимное раздражение.

Вот бывает любовь с первого взгляда. А между мной и Грейтом случилась тоже взаимная. Только неприязнь.

Тип, сидевший напротив, годился мне в отцы. Седая голова, морщины и взгляд человека, которого окружают одни идиоты.

Правда, что-то мне показалось в чертах Грейта странным. Я даже попробовал проверить, не иллюзия ли... Но мне не дали, сбив концентрацию, задав вопрос. Причем голос у будущего супруга оказался таким же неприятным, как и он сам.

– Не привык лицемерить, поэтому не могу сказать, что рад знакомству... – начал Ульрих.

– Не переживайте, это взаимно, – не удержавшись от шпильки, перебила я.

И тут же почувствовала себя адепткой, позволивший себе нечаянный выкрик с места на лекции профессора. И лишь позже я узнала, как оказалась близка к истине.

Ульрих фон Грейт был артефактором по призванию и аристократом в демон знает каком поколении по рождению. А еще он умудрялся совмещать в себе сразу шесть великих званий: мизантропа, мецената, гения магомеханики, чародея с седьмым кругом силы, гада и сволочи. О последнем не понаслышке знали студиязусы Грейта. Ибо со своих адептов профессор спускал по несколько шкур за семестр.

– Рад, что у нас есть хоть что-то общее. Значит, есть шанс договориться. – И, резко меняя тему, артефактор спросил: – Скажите, мисс, у вас на теле нет живого рисунка золотисто-черного цвета? Не бывает ли вам плохо, когда вы путешествуете? Или уезжаете из столицы? И на протяжении последних семи поколений браки в вашей семье хоть раз заключались в храме?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.